

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 82.091-821.161.1

ГРНТИ 17.01.07

С. Л. Слободнюк

Аще забуду тебе, Вавилоне (опыт анализа локального текста)

В статье представлено исследование деконструкции «вавилонского текста» в русской литературе. По результатам анализа автор приходит к выводу о том, что уже в XIX столетии образ Вавилона утрачивает жесткую связь с иеремиадой и ветхозаветные смыслы уступают место смыслам русской истории. Одним из главных последствий данной деконструкции стало обособление талионического сегмента и его переход в «новозаветный» дискурс отечественной словесности.

Ключевые слова: вавилонский текст, петербургский текст, семантические поля, смыслы, талион, формальный метод, цифровая гуманитаристика.

Sergey Slobodnyuk

If I Forget Thee, O Babylon (Experience in Analyzing the Local Text)

The article presents a study of the deconstruction of the «Babylonian text» in Russian literature. The author, based on the results of the analysis, comes to the conclusion that by the 19th century the image of «Babylon» loses its strong connection with the jeremiad, and the Old Testament meanings give way to the meanings of Russian history. One of the main consequences of this deconstruction is the isolation of the talionic segment and its transition into the «New Testament» discourse of Russian literature.

Key words: Babylonian text, Petersburg text, semantic fields, meanings, talion, formal method, digital humanities.

К вопросу о родословной одного локального текста

Если бы научный стиль позволял эпический зачин, следовало бы написать: «В начале было слово». Но стиль не позволяет, да и слова никакого не было. Было словосочетание – «Петербургский текст». И концепция В. Н. Топорова, проложившая дорогу другим «локальным» текстам: московскому, волжскому, сибирскому, северному, уральскому etc.

© Слободнюк С. Л., 2020

© Slobodnyuk S., 2020

Если бы я исследовал психологию научного творчества, можно было бы начать разговор о скрытых механизмах, действие которых формирует новые понятия и даже меняет принятую парадигму. Но первая встреча с теорией «петербургского текста» восторгов не вызвала и катарсисом не ознаменовалась. Тем более что «вавилонский текст», которому посвящена эта статья, был придуман мною задолго до знакомства с трудами В. Н. Топорова для рабочей маркировки фрагментов, чье содержание так или иначе соотносилось с эсхатологическим и апокалиптическим дискурсом Священного Писания.

Однако по мере накопления материала стало ясно, что «вавилонский текст» есть нечто большее, чем ярлык, используемый при черновой классификации материала. И постепенно крепло внутреннее убеждение в том, что *этот* текст может занять место рядом с текстом петербургским. Словом, повторное обращение к концепции В. Н. Топорова было предопределено.

Не предопределено было другое – запоздалое удивление тому, что в концепции нет четкого базового понятия. Согласно В. Н. Топорову, «[п]етербургский текст есть текст не только и не столько через связь его с городом Петербургом (экстенсивный аспект темы), сколько через то, что образует особый текст, текст *par excellence*, через его резко индивидуальный („неповторимый“) характер, проявляющийся в его внутренней структуре (интенсивный аспект)» [34, с. 27]. Иначе говоря, петербургский текст обретает свой «текстовой» статус 1) через нечто, которому не дается определения, либо 2) через нечто, являющее собой некий индивидуальный (и неведомо откуда взявшийся) характер, который реализует себя во внутренней структуре текста. Самое печальное – приняв любой из предложенных вариантов, мы все равно не узнаем, *что* есть *петербургский* текст, и почему он является таковым, если его связь с городом не столь уж важна.

Рассуждения, где провозглашается «сверхсеманτικότητα» «Петербургского текста, смыслы которого (или, точнее, смысл) превышают эмпирически-возможное в самом городе и больше суммы этого „эмпирического“», и утверждается, что «этот высший смысл – стрела, устремленная в новое пространство всевозрастающего смысла, который говорит о жизни и о спасении» [34, с. 28], на мой взгляд, имеют довольно отдаленное отношение к литературоведению. Зато они оказываются удивительно созвучны тезисам, которые, завершая авторское «введение в тему», сообщают, что: 1) «в Петербургском тексте русской литературы отражена квинтэссенция жизни в „лиминальном“ состоянии, на краю, над бездной, на грани смерти, и намечаются пути к спасению»; 2) «создание Петербургского текста» было «одним из самых весомых „ноосферических“ вкладов в русскую и мировую культуру»;

3) «Петербургский текст – мощное полифоническое резонансное пространство, в вибрациях которого уже давно слышатся тревожные синкопы русской истории и леденящие душу „злые“ шумы времени» [34, с. 65–66].

Что ж, сказано немало, но, в сущности, все можно свести к незатейливой формуле: *петербургский текст есть нечто, подобное страшным апокалиптическим творениям древних пророков, апостола Иоанна, плюс немного Леруа, Вернадского и Тейяра де Шардена...* Впрочем, справедливости ради обязательно следует предположить, что «теоретическая» отвлеченность финальных тезисов обусловлена мощной «конкретикой» предшествующих рассуждений, согласно которым: 1) «*Петербургский текст – понятие относительное и меняющее свой объект в зависимости от целей* (курсив мой. – С. С.), которые преследуются при операционном использовании этого понятия»; 2) «крайние пределы, внутри которых обращение к Петербургскому тексту сохраняет свой смысл», это – «теоретико-множественная сумма признаков, характерных для произведений, составляющих субстрат Петербургского текста („экстенсивный“ вариант), и теоретико-множественное произведение тех же признаков („интенсивный“ вариант)»; 3) «единство Петербургского текста не в последнюю очередь обеспечивается и единым „локально“-петербургским словарем», который «задает языковую и предметно-качественную парадигму Петербургского текста», а также «семантическое пространство Петербургского текста – как „ближнее“, эмпирическое, так и „дальнее“, сферу последних смыслов и основоположных идей» [34, с. 27].

Возможно, читатель обратил внимание на то, что слово *конкретика* в начале предыдущего абзаца поставлено в кавычки? Я сделал это намеренно, поскольку *относительность базового понятия* лишает смысла *любые* конкретные рассуждения о «крайних пределах» и прочем. Лишает полностью, если только... Если только мы не сумеем, следуя канону диалектики, определить «петербургский текст» через противоположное понятие. – Увы, не сумеем, ибо, в отличие от духа и материи, добра и зла, прекрасного и безобразного, жизни и смерти, «петербургскому тексту» нельзя подобрать настоящего антагониста. Не будем же мы наперекор здравому смыслу утверждать, что таковым является текст московский [20]?..

И, тем не менее, отрицать *реальность петербургского текста* значило бы отрицать очевидное. Образ Петербурга стараниями Пушкина, Гоголя, Достоевского, Андрея Белого давным-давно обрел статус архетипа, порождающего развернутый многоуровневый дискурс, в котором важную роль играют апокалиптико-эсхатологические структуры. Последнее, учитывая значение мессианской идеи для русской литературы, совсем не удивительно. Но коль

скоро русский литературный мессианизм есть производная от мессианизма библейского, не унаследовал ли «эсхатологический» Петербург судьбу другого города? Если исходить из того, что мессианская идея, иудео-христианская апокалиптика и библейский эсхатологизм образуют сложную систему, одним из важнейших элементов которой выступает Вавилон, ответ напрашивается сам собой. Принимая эту мысль, мы и выходим на понятие «вавилонского текста».

Данный текст, на мой взгляд, имеет три существенных отличия от северного собрата. *Первое*, и самое важное, состоит в том, что «Вавилон» является собой *универсальный* и самодостаточный культурный знак, сохраняющий при этом живую связь с первоисточниками: Книгой пророка Иеремии и 136-ым псалмом.

Второе отличие обусловлено природой архетипических потенций «Вавилона». Эти потенции были сформированы в сложном взаимодействии исторического, религиозного, правового и этического переживания древних авторов; причем органическое единство исходных элементов не отрицает определенной автономии каждого из них.

Третье отличие проявляет себя в целенаправленном функционировании «вавилонского текста», который может быть корректно сведен к ограниченной совокупности семантических полей, образуемых понятиями «враг, плен, тоска, возмездие, грех, тайная мудрость etc.».

Иными словами, в отличие от петербургского, текст, порождаемый Вавилоном, поддается достаточно четкому определению по формальным признакам. Именно это обстоятельство и вытеснило «вавилонский текст» на задворки моих научных предпочтений.

Несколько слов о форме и сущности

В начале 80-х годов прошлого столетия уважающий себя студент-филолог просто обязан был с придыханием произносить имена корифеев из Тарту и с пиететом отзываться об отцах-формалистах. Я себя, естественно, уважал, поэтому произносил-отзывался. Тем более что «форма» выгодно отличалась от мистической «народности» и полумистического «революционного гуманизма»: она была *объективна*. К несчастью, скоро выяснилось, что текст, препарированный тартуанским скальпелем, после обратной сборки упрямо не желал оживать, и старательно соединенные в прежнем порядке детали почему-то превращались в осязаемую, зримую, но неживую сумму частей.

Следующий удар по вере во всемогущество формальных показателей нанесло стиховедение. Скажем, данные об особенностях гумилевского стиха, полученные В. С. Баевским [5], объективно отражают соотношение между дву-

сложниками, трехсложниками и неклассическими размерами etc. Больше того, они доказывают, что метрика поэта изначально была совсем не-символистской. Другой вопрос: раскрывают ли такие сведения *природу* гумилевского *антисимволизма*? Вряд ли... Опираясь данными В. С. Баевского, можно уверенно говорить лишь о том, что в области стихосложения поэт сразу нашел свою, особую, дорогу (и тем самым скорректировать хронологию акмеизма). Но ответа на вопрос, *почему* певец «чужого неба», едва вступив на путь конквистадора, объявил войну мэтрам Серебряного века, мы не получим.

В некоторых случаях доверчивое следование за формальными показателями способно завести в трясину добросовестных заблуждений. Так, в работе В. Е. Верховоломовой, посвященной разбору ритмических форм в циклах Гумилева и Ахматовой, отдельное место отведено знаменитым «Библейским стихам»: «Для Ахматовой <...> было важно строфическое единообразие в цикле. Иногда при строфическом неравенстве частей цикла единство достигается особой формой рифмовки, <...> использованием одного и того же размера. В пределах одного стихового единства у поэтессы доминирует определенный метр. Это составляет своеобразие ахматовского поэтического рисунка. Например, микроцикл «Библейские стихи» (из книги Anno Domini MCMXXI) помимо тематического единства „скрепляется“ метрическим рисунком»; «три стихотворения объединяет в цикл основная метрическая форма с двумя двусложными междударными промежутками, которая незначительно варьируется» [8, с. 157–158]. Согласитесь, звучит убедительно. И результаты сведены в таблицу: при желании можно даже потрогать руками [8, с. 158]. Но лучше этого не делать, поскольку капитальная с виду конструкция тут же завалится набок...

Начну с того, что в первых изданиях книги «Anno Domini MCMXXI» нет никакого микроцикла «библейских стихов». Есть только стихотворение «Рахиль», поскольку... «Лотова жена» и «Мелхола» были созданы, если верить авторской датировке, немного позже: 24 февраля 1924 г. и в 1959–1961 гг. [4, II, ч. 2, с. 347–348; см также: 4, I, с. 376, 402; 4, II, ч. 2, с. 42–43].

Полнота строфического единообразия в ахматовском цикле, исходя из данных, представленных автором статьи (!), тоже вызывает сомнения – 5 шестистиший («Рахиль»), двенадцатистишие + четверостишие («Лотова жена»), 26-стишие («Мелхола») [8, с. 158]; к тому же тип рифмовки в строфах тоже различен [8, с. 158]. Таким образом, идея о верховенстве «метрического рисунка» над «тематическим единством» оказывается, мягко говоря, рыхловатой, ведь формальные показатели (даже будучи безусловно объективными) есть не более чем формальные показатели. Поэтому любое гипостазирование

формы, находящейся в живой связи с сущностью, неминуемо уводит в сторону от истины.

Однако в последние годы в филологии наблюдается тенденция к реабилитации формально-структуральных методик, нашедших новую опору в цифровой гуманитаристике. Технологии, позволяющие создавать безразмерные базы данных с полнотекстовым поиском, предлагают исследователю по истине «демиургический» соблазн: довести количество материала до критической отметки и добиться качественного скачка. Почему нет? – отдельные алгоритмы формализации давным-давно разработаны и эффективно применяются в филологических исследованиях: стоит только написать нужную программу, и извечная тайна слова станет явью.

В желании проверить, насколько эффективен формализованный подход к тексту, когда берешь в союзники достижения «цифру», мы с коллегами предприняли междисциплинарное исследование архетипики «вавилонского текста» [подробно см. 40], основные этапы которого я (с соответствующими ссылками) кратко опишу в следующем разделе. Но прежде необходимо сделать несколько замечаний о методике упомянутой работы.

В *подготовительный период* была проведена формализация объекта, по завершении которой «вавилонский текст» обратился в сумму первичных смыслов (сакральный, исторический, этический, правовой). Это позволило: 1) убедиться, что объект исследования не является умозраительной величиной, 2) провести критический отбор первичного материала и, 3) выявив соответствующие архетипические элементы, определить:

а) претекст – 136 псалом, минимальный объем которого вмещает в себя максимальное количество первичных смыслов;

б) базовый индикатор (на основании количественных показателей) – первый стих данного псалма (в церковнославянском и синодальном переводе); «На реках Вавилонских / При реках Вавилона» (Пс., 136:1).

Далее были выбраны текстовые базы для поиска, а именно «Национальный корпус русского языка» [21]; «Русская виртуальная библиотека» [26]; «Фундаментальная электронная библиотека: „Русская литература и фольклор“» [37]; «Некоммерческая электронная библиотека „ImWerden“» [22] и «Университетская библиотека онлайн» (коллекция издательства «ДиректМедиа») [36]. Корректность будущей выборки обеспечивалась отсеиванием неточных совпадений и ограничением по объему (расстояние между искомыми совпадениями не должно было превышать объема 136 псалма).

«Тамо седохом и плакахом», или «цифровой» комментарий к иеремиаде

Назвав 136-й псалом квинтэссенцией вавилонского текста, мы ничуть не погрешим против истины. 9 стихов, напрямую связанных с творением пророка Иеремии, поражают невероятной концентрацией эмоций и смыслов, по-

рожденных годами вавилонского плена: неизбежная печаль и тоска по земле обетованной; равная закону обязанность помнить Иерусалим; искренняя надежда на неминуемое и справедливое божественное воздаяние.

Уже начальные строки псалма формируют исходную триаду «Вавилон – плач – память»: «На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом, внемда помянути нам Сиона / При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе» (Пс., 136:1). Эта триада инициирует две тесно связанные темы: возвращение и карающее божественное воздаяние. Последнее, замечу, имеет *безусловно справедливую* природу, что неявно утверждается тем, что возможным объектом небесного возмездия сначала оказываются пленники Вавилона и только потом – его «дочь»: «Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя. Прильпни язык мой гортани моему, аще не помяну тебе, аще не предложу Иерусалима, яко в начале веселия моего / Если я забуду тебя, Иерусалим, – забудь меня десница моя; прилипни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего» (Пс., 136:5–6); «Дщи Вавилона окаянная, блажен иже воздаст тебе воздаяние твое, еже воздала еси нам / Дочь Вавилона, опустошительница! блажен, кто воздаст тебе за то, что ты сделала нам!» (Пс., 136:8).

Контаминация семантических полей, порожденных идеей талиона, не просто замыкает смысловые круги. Потенциальное наказание, ожидающее пленников в случае нарушения закона, уравнивается дважды: 1) *прямо* – неминуемостью грядущей кары Вавилону и 2) *неявно* – синтаксической конструкцией 5–6 стихов. Таким образом, автор псалма объединяет воедино три разные последовательности смыслов, исходной точкой которых является Вавилон: «Вавилон – плен – кара Вавилону», «Вавилон – пленники – возмездие за возможную неверность», «Вавилон – пленники – воздаяние за верность».

Выявленные последовательности легли в основу поисковых выражений, а поскольку первый стих 136 псалма, вне всякого сомнения, играет роль *внутреннего* претекста, начальный поиск осуществлялся по выражениям «На реках Вавилонских» и «При реках Вавилона». Результаты были обнадеживающими и показательными: «На реках Вавилонских» – 205 совпадений; «При реках Вавилона» – 6 совпадений. Доминирование церковнославянской версии не вызывало сомнений, поэтому в дальнейшей выборке в основном были задействованы выражения: 1) «На реках Вавилонских»; 2) «На реках Вавилонских» & «забуду тебе, Иерусалиме»; 3) «На реках Вавилонских» & «Дщи Вавилона».

К нашему удивлению, ни 2-е, ни 3-е выражение не дали ни одного понастоящему прямого совпадения (текстовые единицы, где они обнаруживались, не были соразмерны 136-му псалму) [40, р. 517].

Не менее любопытную картину дал поиск по выражениям «аще забуду тебе, Иерусалиме», «дщи Вавилоня окаянная» (дополнительно – «если я забуду тебя, Иерусалим», «дочь Вавилоня, опустошительница»). Совпадения, конечно, были... Но вот вопрос: следует ли, для примера, учитывать двойное цитирование «аще забуду тебе...» в «Братьях Карамазовых»? Формально – да, а по существу – нет, потому что источник воспроизводится в переносном смысле [40, р. 518]: «В эту минуту вдруг словно выскочил из комнаты штабс-капитан и тотчас затворил за собою дверь. Лицо его было исступленное, губы дрожали. Он стал пред обоими молодыми людьми и вскинул вверх обе руки.

– Не хочу хорошего мальчика! Не хочу другого мальчика! – прошептал он диким шепотом, скрежеща зубами. – *Аще забуду тебе, Иерусалиме*, да прильпнет...

Он не договорил, как бы захлебнувшись, и опустился в бессилии пред деревянную лавкой на колени. <...> Коля выскочил на улицу.

– Прощайте, Карамазов! Сами-то придете? – резко и сердито крикнул он Алеше.

– Вечером непременно буду.

– Что он это такое про Иерусалим... Это что еще такое?

– Это из Библии: „*Аще забуду тебе, Иерусалиме*“, – то есть если забуду всё, что есть самого у меня драгоценного, если променяю на что, то да поразит...» [26; 12, X, с. 59–60; курсив мой. – С. С.].

Параллельно я задался вопросом, надо ли принимать во внимание парафразисы искомым выражений и стихов?.. На первый взгляд – безусловно: ведь они наглядно (хотя и косвенно) отражают динамику осмысления и переосмысления «вавилонского текста». Так, у Симеона Полоцкого «дщи Вавилоня» уже не просто «окаянная», но «окоюнна зело», а карающая механика талиона украшена призывом к киднеппингу (sic!) etc.; ср.: «Дщи Вавилоня окаянная, блажен иже воздаст тебе воздаяние твое, еже воздала еси нам. Блажен иже имет и разбиет младенцы твоя о камень» (Пс., 136:8–9) || «Но, о дщи Вавилоня окоюнна зело, / блажен, иже воздаст ти за ны равно дело. / Блажен, иже потщится твоя похищати / младенцы и о камень твердый разбивати» [30, с. 310]. Но эти изменения, вероятнее всего, обусловлены необходимостью адаптировать церковнославянскую Псалтирь «и для чтения, услаждающего слух, и для *пения в домашней обстановке на тот или иной „глас“*» [28, с. 119; курсив мой. – С. С.]...

В. К. Тредиаковский расцвечивает исходный текст жуткими подробностями: «Ты ж, о! Вавилонска дщерь, жди зла в окаянстве; / Счастлив! кто тебе отмстит / За погибель смертну нам от тебя в наянстве / И ниже тебя простит. // Счастлив! в место кто твое метнет зельный пламень / И твою

кровь пролиет, / Иль младенцев ухватив о жестокий камень / Головою разбьет» [35, с. 188]. Однако любовно выписанные ужасы, наверное, стоит отнести на счет авторского темперамента, жаждущего немного оживить сухую талионическую формулу «блажен иже воздаст тебе воздаяние твое, еже воздала еси нам» (Пс., 136:8).

В том же ключе выписаны соответствующие строки А. П. Сумарокова («Из 136 псалма»). Подобно Тредиаковскому, автор подчеркивает злобность вавилонской дочери, призывает на голову «окаянной» закон возмездия и, мечтая о карающем пожаре, пророчит счастье палачу маленьких вавилонян: «Когда бы кто губя, / О окаянная дочь злая Вавилона, / Для нам подобна стона, / Как ты повергла нас, повергнул и тебя / И жительство твое пожрал бы лютый пламень: / Блажен той, кто побьет детей твоих о камень» [32, ч. 1, с. 193].

Поэты XIX столетия также не добавили претексту новых значимых смыслов. К примеру, Ф. Н. Глинка, лишив вавилонянку «окаянства», живописует правовые основания для деяний будущего восстановителя справедливости: «О, в ком дух мести бог возбудит / На злую Вавилона дочь, / И от кого терпеть ей будет / За то, что терпим мы теперь? // Блажен, кто, стоны преселенцев / Послышав, на тебя пойдет / И плачущих твоих младенцев, / Взмахнув, о камень расшибет!..» [11, I, с. 256]. Л. А. Мей дополняет сцены желанного возмездия как однозначными, так и многосмысленными подробностями: «О, блажен и блажен, / Злая дочь Вавилона, / Кто воздаст твоей злобе сторицею, / Кто *младенцев твоих оторвет / От нечистого лона / И о камень их мощной десницею / Пред тобой разобьет!*» [21; 22; 19, с. 235]. Но *злая* дочь (или *дочь*) Вавилона в обоих случаях экспрессивно не дотягивает до «окаянной» и проигрывает «опустошительнице» Синодального перевода на семантическом уровне.

И, наконец, Н. М. Языков добавляет в финальные строки нотку свободолюбия, осложненную садистическим «мордентом» и сменой гендерного вектора: «Блажен, кто смелою десницей / Оковы плена сокрушит, / Кто плач Израиля сторицей / На притеснителях отмстит! // Кто в дом тирана меч и пламень / И смерть ужасную внесет / И с ярким хохотом о камень / Его младенцев разобьет!» [39, ч. 2, с. 19]. Но и здесь, если убрать эмоции и прочее, получается, как и в предыдущих случаях, все тот же талион...

Утешив себя и коллег сентенцией о значимости отрицательных результатов, я предложил применить те же самые поисковые выражения к Ветхому Завету, и мы с удивлением обнаружили, что наши формальные показатели напрочь опровергают существование вавилонского текста в Священном Писании. В то же время семантические поля, окружающие ключевые слова, убедительно свидетельствовали об обратном, ведь собственно «Вавилон» и

его производные (поисковое выражение «вавилон*») встречаются в Ветхом Завете 171 раз. Распределение результатов поиска было не менее красноречивым: 168 совпадений дала книга пророка Иеремии, 3 – Псалтирь, 1 – Третья книга Маккавейская. Семантические поля, продуцируемые связкой «Вавилона» с понятиями «возмездие», «мщение», «воздаяние», также дали неравномерное распределение (поисковые выражения «вавилон*» & «*мщен*», «вавилон*» & «*мсти*», «вавилон*» & «возда*», «вавилон*» & «возмез*»): Иеремия – 6 – 1 – 8 – 1; Псалтирь – 0 – 0 – 1 <...> etc. [см. 40, р. 518]. Кроме того, понимая, что объектом талионического воздаяния в библейском тексте была не только столица Вавилонского царства, мы провели дополнительный поиск по выражениям «*мщен*», «*мсти*», «возда*», «возмез*» и получили иное, хотя опять же неравномерное, распределение: Иеремия – 8 – 5 – 5 – 0; Псалтирь – 5 – 0 – 16 – 2 etc. Полученные данные были включены в расчет коэффициента Пирсона (r), который у Иеремии оказался равен 0,59, а в Псалтири вплотную приблизился к единице (0,96) [40, р. 518].

Сильные связи «Вавилона» с талионической сферой, объективно подтвержденные «Пирсоном», снимают сомнения в правомерности моего утверждения о том, что главную роль в формировании вавилонского текста играют именно семантические поля. Правда, триумф количественного подхода несколько омрачает то обстоятельство, что доминирование смыслов над формой было очевидно даже на «гипотетическом» этапе исследования...

В то же время эффект от использования цифровых технологий вряд ли можно считать нулевым. Электронный поиск не просто свел к минимуму временные затраты на обработку текстовых массивов. В нашем распоряжении оказалась обширная база данных, которая *наглядно и сразу* показала объективные отличия *собственно «вавилонского текста»* от «вавилонского текста», присутствующего в русской литературе.

Как уже говорилось, первый стих 136 псалма можно считать своеобразным внутренним претекстом. Применяя к этому стиху «триадный» подход, мы без труда выделяем последовательность: *плен – плач – воспоминание о Сионе* («На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом, внегда помянути нам Сиона / При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе» (Пс., 136:1)). Взаимообусловленность составляющих триады, на мой взгляд, не требует доказательств. Как не требует доказательств и то, что каждый элемент продуцирует собственные смыслы: «плен» – исторический; «плач» – этический; «воспоминание о Сионе» – сакральный. С «талионическим» смыслом дело обстоит сложнее, однако при некотором усилии он легко выявляется: 136 псалом является неотъемлемой частью иеремиады и

поэтому необходимым образом связан с идеей равного воздаяния, реализуемого в награде за верность (для евреев) и неотвратимом жестоком наказании (для вавилонян и Вавилона).

Дальнейшее соотнесение данных с русским литературным дискурсом показало, что внешнее следование форме крайне редко сопровождается сохранением сущности. Сидение на реках Вавилонских, обычно выступающее символом неизбывной тоски по утраченной родине (по большей части в литературе русского Зарубежья [см. 22]), как ни странно, используется авторами и в ироническом ключе. Поводы для иронии различны (курсив мой. – С. С.):

– житейские проблемы: «Скрылися нимфы Геликонские от очей моих, а я оплакиваю их отшествование, быв к ним приобщен от юности моей, и мог лет тридцать говорить: „От юности моя мнози борют мя страсти“. Ибо страсти в поэзии моей и изъяснялись, а ныне вместо того говорю я: „*На реках Московских седоком и плакахом*: како воспою в таком граде? Повесихом *на вербих органы наши*“» (А. П. Сумароков) [26; 31]; «– И черт нас занес в такую дыру, вот вам и все удовольствие, сиди да гляди, как ручей бурлит, – сказал капитан, обращаясь ко всем сразу. – Как еврей *на реках Вавилонских*: сиди и плачь, тут сам черт с горя сопьется, а не только мы, грешные...» (М. П. Новиков) [37; 24, с. 126]; «За апрель я получил от Лейкина 70 руб., и теперь только 13-е, а у меня и на извозца нет. Живи я в отдельности, я жил бы богачом, ну, а теперь... *на реках Вавилонских седоком и плакахом...*» (А. П. Чехов) [37; 38, с. 70];

– национальное самосознание: «Но ведь это хлам, Яков Моисеевич, – проникновенно сказала я, — хлам, не интересный даже этнографам, поскольку вы не китайцы, а очередные еврей с очередным плачем *на реках вавилонских*» (Д. И. Рубина) [21] etc.;

– идеология и политика: «Вчерашний звонок Суслову, – он явно уклоняется от беседы, и это понятно. Сказал, что имеет задание, над которым будет работать „за городом“, чтобы удалиться от звонков. Разрешает позвонить „на той неделе“.

В Секретариате, не хуже нас, новомирцев, сидят *на реках вавилонских*» (А. Т. Твардовский) [21; подробно см. 33]; «*На реках Вавилонских. // Мы ждём и ждём гостей незваных / И в ожиданье ни гу-гу! / И всё сидим на чемоданах, / Как на последнем берегу*» (А. А. Галич) [22; 10, I, с. 334]; «...В России судьба баснословна, странна, иностранна, чудна, / то праведна, то уголовна, абсурда и смысла полна. / Небесного поприща странник! Отечество славя свое, / ты тоже – изгнанник, избранник, чернец, иностранец ее. / Всем миром встает на колени великодержавный приют, / когда „*На реках Вавилон-*

ских...“ его домочадцы поют» (О. Николаева) [22; 23, с. 4]; «*На реках вавилонских* стонем, / в тимпаны да кимвалы бьём. / То домового мы хороним, / то ведьму замуж выдаём. // Под посвист рака на горе / шабашим мы на телешоу, / и в этой мерзостной игре / жида венчаем с Макашовым (Т. Ю. Кибиров) [22; 16, с. 3].

Сама ирония, обретающаяся по берегам рек вавилонских, тоже разнообразна. Она может быть грустной или горькой (далее курсив мой. – С. С.): «Дорога от М. до Р. идет семьдесят верст проселком. Дорога тряска и мучительна; лошади сморены, еле живы; тарантас сколочен на живую нитку <...>. Но на этот раз дорога была для меня поучительна. Сколько раз проезжал я по ней, и никогда ничто не поражало меня: дорога как дорога, и лесом идет, и перелесками, и полями, и болотами. Но вот лет десять, как я не был на родине, не был с тех пор, как помещики взяли в руки гитары и запели:

На реках вавилонских – тамо седоком и плакахом... –

и до какой степени всё изменилось кругом!

С тех пор и народ „стал слаб“, и все мы оказались „просты... эх, как мы просты!“, и „немец нас одолел!“» (М. Е. Салтыков-Щедрин) [26; 27, XI, с. 21–22]; «Творческая скудость наших революционеров-комитетчиков становилась очевидною и для них самих. Их угрозы арестами и обысками уже не производили действия, их ругали безвозбранно и дружно, тоска по власти, по нормальному порядку выросла за два месяца действия нового строя до размеров стона *на реках Вавилонских*» (Ф. Д. Крюков) [22; 17].

Иногда ирония, претендуя по воле автора на статус сатиры, рядится в классовые одежды, декорируя при этом национальную идею: «Дело происходило на Трафальгарской площади в Лондоне. Празднование Старого Нового года российским бизнесом <...> Морозный звон кремлевских курантов с эстрады на Трафальгарской площади заглушали лишь трели мобильных телефонов: это выискивали друг друга – свои своих – в многотысячной толпе представители так называемой „русской диаспоры“. Когда я слышу слово „диаспора“ в устах телевизионщиков или посольских работников России, я представляю себе древних иудеев, скованных одной цепью, плачущих у пирамид египетских или *на реках вавилонских*, сгрудившихся вокруг седобородого раввина с томищем Талмуда на коленях. За этими людьми стояла страна, народ, Бог из разрушенного Храма. <...> Как можно называть „диаспорой“ россиян, рассеявшихся по разным концам мира и не желающих, в общем-то, иметь ничего общего ни друг с другом, ни со своей стороной, где уже давно распались кружки и раздружились дружки?» (З. Зиник) [22; 15, с. 54–55; курсив мой. – С. С.].

Конечно, встречается и другое использование смыслового потенциала претекста. Но и здесь все неоднозначно. Скажем, в есенинской «Инонии» реки Вавилона становятся символом страданий *русского* крестьянина, наивно верившего богу Заветов: «Проклинаю тебя я, Радонеж, / Твои пятки и все следы! / Ты огня золотого залежи / Разрыхлял киркою воды. <...>. / Твое солнце когтистыми лапами / Прокогтялось в душу, как нож. / *На реках вавилонских мы плакали,* / И кровавый мочил нас дождь» [26; 13, II, с. 63; курсив мой. – С. С.].

3. Зиник, беззастенчиво эксплуатируя сакральную составляющую, превращает плач на реках в неотъемлемый атрибут иудаизма: «Иудаизм, каким мы его знаем сейчас, – это религия невозвращения, религия перманентного плача *на реках Вавилонских*, религия изгнания и эмиграции, когда и Храм и Иерусалим перенеслись на небо» [22; 15, с. 205; курсив мой. – С. С.]. А у М. Д. Симашко претекст становится простым географическим понятием: «Не одна Библия свидетельствует о весьма деятельном еврейском присутствии далеко *за реками Вавилонскими*. „Шах-наме“ – перевод древнейших арийских сказаний – лучшее тому доказательство» [22; 29, с. 151; курсив мой. – С. С.].

Принимая во внимание сказанное выше, мы должны констатировать, что русский литературный дискурс провел капитальную деконструкцию первичного «вавилонского текста». Уже в XIX веке плач при реках Вавилона перестал жестко соотноситься с исторической основой, и это, в свою очередь, привело к редукции сакральных элементов, а также трансформации правовых и моральных ожиданий. Одновременно произошло ослабление значимых связей с книгой Иеремии, и место ветхозаветных заняли русские исторические смыслы: отмена крепостного права, революция 1917 года, третья волна эмиграции etc. Особую роль в этом процессе играла эмоциональная составляющая 136 псалма. Энергия катастрофических ожиданий, войдя в резонанс с апокалиптическим настроением русской души, непрерывно подпитывалась эсхатологизмом исторических событий и в итоге расколола монолит семантических полей. Одним из наиболее значимых последствий этого раскола стал переход талионической составляющей в «новозаветный» дискурс отечественной словесности.

«Пал Вавилон, город великий», или Слава Новому Вавилону

Исследование истории Вавилона, ставшего «жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу» (Откр., 18:2) обещало быть несложным, потому что «вавилонский текст» Нового Завета сконцентрирован в семи стихах Откровения Иоанна Богослова. Казалось бы, идеальные условия для работы! – и глубокого анализа смысловых доминант не требуется, и поисковые

выражения практически в готовом виде представлены в самом претексте (курсив мой. – С. С.): «И другой ангел следовал за ним, говоря: пал, *пал Вавилон, город великий*, потому что он *яростным вином блуда* своего напоил все народы» (Откр., 14:8); «И *город великий распался* на три части, и города языческие пали, и Вавилон *великий* воспомянут пред Богом, чтобы дать ему *чашу вина ярости гнева* Его» (Откр., 16:19); «И жена облечена была в порфиру и багряницу <...> и держала золотую *чашу* в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою *блудодейства* ее; и на челе ее написано имя: тайна, Вавилон *великий, мать блудницам* и мерзостям земным» (Откр., 17:4–5); «Пал, *пал Вавилон, великая блудница*, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птице; ибо *яростным вином блудодейства* своего она напоила все народы» (Откр., 18:2); «*Горе, горе тебе, великий город Вавилон, город крепкий!* ибо в один час пришел суд твой» (Откр., 18:10); «*Горе, горе тебе, город великий*, драгоценностями которого обогатились все, имеющие корабли на море, ибо опустел в один час!» (Откр., 18:19); «И один сильный Ангел взял камень, подобный большому жернову, и поверг в море, говоря: с таким стремлением повержен будет Вавилон, *великий город*, и уже не будет его» (Откр., 18:21).

Для окончательного облегчения задачи область разработки решено было ограничить русской поэзией, эсхатологические настроения которой (особенно в период *fin de siècle*) полностью созвучны идеям Апокалипсиса. Однако первые результаты поиска обескуражили: церковнославянский извод оказался в принципе не востребованным. Поисковые выражения на русском языке («пал Вавилон», «город великий», «великий город», «чаш*» & «вин*», «вин*» & «блуд*», «ярост*» & «вин*», «ярост*» & «гнев*», «велик*» & «блуд*», «мат*» & «блудниц*», «город*» & «распа*», «горе» & «город*», «горе» & «Вавилон*», «горе тебе, город») не дали сколько-нибудь значимых совпадений.

Даже «Первое переложение Апокалипсиса», принадлежащее перу В. А. Жуковского, который, как известно, не церемонился с исходным текстом, минимально расходилось с источником; ср.: «И другой ангел следовал за ним, говоря: пал, *пал Вавилон, город великий*, потому что он *яростным вином блуда* своего напоил все народы» (Откр., 14:8) || «Летел другой по небу ангел, / Гласящий: „пал великий Вавилон, / Понеже яростным вином разврата / Народы все он напоил“» [21; 22; 14, с. 338]; «И Вавилон *великий* воспомянут пред Богом, чтобы дать ему *чашу вина ярости гнева* Его» (Откр., 16:19) || «Тот будет пить / Господней ярости вино, в его / Сосуде гнева», [21;

22; 14, с. 338]; «Пал, пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птице; ибо яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы» (Откр., 18:2) || «И мне тогда единый из седми / Носящих чаши ангелов сказал: / „Я покажу тебе суд над великой / Блудницею, сидящею на многих / Водах; вели блудодеянье с нею / Цари земные, и вином ея разврата / Земные люди упивались“, «Пал Вавилон, великий град, блудница!» [21; 22; 14, с. 341, 342] etc. А строить концепцию, упирая на то, что Жуковский и его современники регулярно «стягивали» новозаветные строки, не имело смысла; ср.: «Пал Вавилон, город великий <...> Вавилон великий, мать блудницам» (Откр., 14:8, 17:5, 18:2) || «Пал Вавилон, великий град, блудница!» [21; 22; 14, с. 342]; «И увидел я другого Ангела <...>; и говорил он громким голосом: убойтесь Бога и воздайте Ему славу, ибо наступил час суда Его <...>. И другой Ангел следовал за ним, говоря: пал, пал Вавилон, город великий. <...> И один сильный Ангел взял камень, подобный большому жернову, и поверг в море, говоря: с таким стремлением повержен будет Вавилон, великий город, и уже не будет его» (Откр., 14:6–8; 18:21) || «Мне слово дивное гремело: / „Великий град – падет, падет!..“» (А. Г. Ротчев) [21].

Другие поисковые выражения привели к стихам А. А. Ахматовой («ярост*» + «вин*» & «блуд*»), М. А. Волошина («ярост*» & «вин*»), А. А. Блока («чаш*» & «вин*»), Д. Л. Андреева («велик*» & «блуд*»), но и здесь в итоге – обманутые ожидания. Реминисценции Ахматовой и Волошина, конечно, отсылают к Апокалипсису, но не имеют прямого отношения к самому «вавилонскому тексту»: «И яростным вином блудодеянья / Они уже упились до конца, / Им чистой правды не видать лица / И слезного не ведать покаянья» [21; 4, II, ч. 1, с. 234]; «Ангел непогоды / Пролил огонь и гром, / Напив народы / Яростным вином. // Средь земных безлюдий / Тишина гудит / Грохотом орудий, / Топотом копыт» («Над полями Альзаса»; ноябрь 1914 г.) [21; 9, с. 197].

Блок использует исключительно «блудничный» потенциал первоисточника и забрасывает героиню Апокалипсиса на пьяные улицы ночного города, освещенные красными фонарями: «И ломится в черный притон / Ватага веселых и пьяных, / И каждый во мглу увлечен / Толпой проституток румяных... // <...> Вечерняя надпись пьяна / Над дверью, отворенной в лавку... / Вмешалась в безумную давку / С расплеснутой чашей вина / На Звере Багряном – Жена» [36; 6, II, с. 170–171].

Что касается автора «Розы Мира» и «Русских богов», то его текст говорит сам за себя: «Вкруг Земли есть крошечная сфера / Всемогущего там Люцифера. // <...> Никогда не блистали воочью / Никакой человеческой расе, /

Но заблещут грядущею ночью / Очи женской его ипостаси. / Распадутся исконные формы, / Расползутся железные фермы, / Чуть блеснет им, как адские горны, / Взор великой блудницы – Фокермы» [21; 1, с. 97–98]. Упомянутая Андреевым дама, как нетрудно заметить, связана с «вавилонским текстом» лишь формально, поскольку, согласно «Розе Мира», она есть «второе лицо» «Гагтунгра, великого демона Шаданакара», особая «сторона демонического существа, втягивающая, всасывающая души и судьбы» в его орбиту [2, с. 158–159].

На фоне столь впечатляющих успехов «цифровой» анализ пришлось остановить. Но осталась необходимость понять, почему обкатанная ранее методика оказалась неприменимой к новозаветной версии «вавилонского текста».

На мой взгляд, одной из главных причин провала стала природа «пре-текстового» Вавилона, который перестал восприниматься поэтами как реальность. В Апокалипсисе «великий город» напрямую ассоциировался с Римом. Однако со временем связь стала ослабевать, и уже в толковании Андрея Кесарийского Вавилон перешел на уровень образа, олицетворяющего «смешение этого мира и житейской смуты» [3]. Богословский же комментарий начала XX столетия подчеркивает, что «великий город» представляется павшим «только в видении» и должен восприниматься как «прекрасный образец для всякого боговраждебного города» [36; 25, с. 576].

В таком качестве Вавилон никак не мог конкурировать с теми чудовищными полисами, что возводили в своих мирах демиурги Серебряного века и их попутчики. Абстрактные бесовщина и блудодеяние в дебрях «адища», где улица провалена «как нос сифилитика», где «лысый фонарь / сладострастно снимает / с улицы / черный чулок», а небо смотрит «в белый газ / лицом безглазым василиска» (В. В. Маяковский) [18, I, с. 55, 62, 39, 37], выглядели просто невинно, и топот апокалиптического коня тонул в шуме «яростного людского потока» (В. Я. Брюсов) [7, I, с. 442, 444].

И хотя «в великом ужасе, скрывая лица, – люди / То бессмысленно зывали: „Горе! с нами бог!“, / То, упав на мостовую, бились в общей груди... / Звери морды прятали, в смятеньи, между ног», смысл происходящего не открылся никому, кроме проститутки и сумасшедшего: «Только женщина, пришедшая сюда для сбыта / Красоты своей, – в восторге бросилась к коню, / Плача целовала лошадиные копыта, / Руки простирала к огневеющему дню. / Да еще безумный, убежавший из больницы, / Выскочил, растерзанный, пронзительно крича: „Люди! Вы ль не узнаете божией десницы! / Сгибнет четверть вас – от мора, глада и меча!“» [7, I, с. 443].

Впрочем, и для прозревших «восторг и ужас длились – краткое мгновение. / Через миг в толпе смятенной не стоял никто: / Набежало с улиц смежных новое движенье, / Было все обычным светом ярко залито» [7, I, с. 443]. Настало иное время: *Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным покинул сцену, а его место занял Город, немилосердно терзающий своих пленников.*

Но где плен, там плач и тоска об утраченном; где плач и тоска об утраченном, там (пусть иллюзорная) надежда вернуть счастливое вчера либо обрести прекрасное завтра. Другими словами, хотя Вавилон ушел, «вавилонский текст» и *вавилонские смыслы* никуда не исчезли. Затаившись в кущах утопических чаяний, они терпеливо ожидают часа, когда с неба прогремит: «Горе, горе тебе, великий город», – и тогда «луны, сотворенные владыками естеств» [7, I, с. 443], погаснут, и безумцу с блудницей воздастся по вере их...

Список литературы

1. Андреев Д. Л. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Моск. рабочий; Фирма Алеся, 1993. Т. 1. Русские боги: Поэтический ансамбль. 463 с.
2. Андреев Д. Л. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Уралия, 1997. Т. 2. Роза Мира. 608 с.
3. Андрей Кесарийский. Толкование на Апокалипсис Святого Иоанна Богослова. Электронный ресурс. URL: <http://rusbible.ru/slavic/otkr.14.html#r-otkr-14> (дата обращения: 03.08.2020).
4. Ахматова А. А. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Эллис Лак, 1998–2002.
5. Баевский В. С. Николай Гумилев – мастер стиха // Николай Гумилев. Исследования. Материалы. Библиография. СПб.: Наука, 1994. С. 86–99.
6. Блок А. Собрание сочинений: в 8 т. М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1960–1963.
7. Брюсов В. Я. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Худож. лит., 1973–1975.
8. Верховилова Е. В. Ритмические формы в лирических циклах Н. Гумилева и А. Ахматовой // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 4–2. С. 154–159.
9. Волошин М. А. Стихотворения и поэмы. СПб.: Пб. писатель, 1995. 704 с. (Б-ка поэта. Большая серия).
10. Галич А. А. Сочинения: в 2 т. М.: Локид, 1999. («Голоса. Век XX»).
11. Глинка Ф. Н. Сочинения: в 3 т. М.: Тип. газ. «Русский», 1869–1872.
12. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Л.: Наука, 1988–1996.
13. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. М.: Наука; Голос, 1995–2001.
14. Жуковский В. А. (Первое переложение Апокалипсиса) // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянских культур, 2011. Т. 4. Стихотворные повести и сказки. С. 330–351.
15. Зиник З. У себя за границей. М.: Три квадрата, 2007. 288 с.
16. Кибиров Т. Ю. «На реках вавилонских стонем...» // Знамя. 1999. № 4. С. 3.

17. Крюков Ф. Д. Новым строем. Электронный ресурс. URL: http://fedor-krjukov.imwerden.de/Publicist_1917/Novim_stroem.htm (дата обращения: 04.08.2020).
18. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955–1961.
19. Мей Л. А. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1972. 678 с. (Б-ка поэта. Большая серия).
20. Москва и «московский текст» русской культуры. М.: РГГУ, 1998. 224 с.
21. Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс. URL: <http://www.ruscorgo.ru/new/> (дата обращения: 03.08.2020).
22. Некоммерческая электронная библиотека «ImWerden». Электронный ресурс. URL: <https://imwerden.de/> (дата обращения: 03.08.2020).
23. Николаева О. Отрывки // Новый мир. 1988. № 8. С. 3–4.
24. Новиков М. П. Из пережитого // Новиков М. П. Из пережитого. М.: Энциклопедия сел и деревень, 2004. С. 17–331. (Семейный архив).
25. Орлов Н. [Комментарий к Апокалипсису Святого Апостола Иоанна Богослова] // Толковая Библия: в 11 т. Репр. изд. 1904–1913 гг. Стокгольм, 1987. Т. 11. С. 517–609.
26. Русская виртуальная библиотека. Электронный ресурс. URL: <https://rvb.ru/> (дата обращения: 05.08.2020).
27. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. М.: Художественная литература, 1965–1977.
28. Сидорович Л. Н. «Рифмотворная псалтирь» Симеона Полоцкого и Василия Титова как итог творческого взаимодействия двух талантливых мастеров восточнославянской культуры XVII века // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2006. № 7. С. 117–124.
29. Симашко М. Д. Из книги «Четвертый Рим» // Иерусалимский журнал. 2000. № 6. С. 106–158.
30. Симеон Полоцкий. Псалтирь царя Давида, художеством рифмотворным равномерно слога и согласноконечно, по различным стихом родом преложенная // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. № S4. С. 276–315.
31. Сумароков А. П. [Письмо] Г. В. Козицкому от 4 марта 1770 г. // Письма русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1980. С. 137.
32. Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений: В стихах и прозе: в 10 ч. 2-е изд. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1787.
33. Твардовский А. Т. Рабочие тетради 60-х годов // Знамя. 2002. № 5. Электронный ресурс. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=1735> (дата обращения: 04.08.2020).
34. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. СПб.: Искусство–СПБ, 2003. 616 с.
35. Третьяков В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозой. СПб.: Наука, 2009. 668 с.
36. Университетская библиотека онлайн. Электронный ресурс. URL: <https://biblioclub.ru/> (дата обращения: 04.08.2020).
37. Фундаментальная электронная библиотека: «Русская литература и фольклор». Электронный ресурс. URL: <http://feb-web.ru/> (дата обращения: 05.08.2020).

38. Чехов А. П. Письмо Чехову Ал. П., 13 мая 1883 г. Москва // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1974 [1974–1983]. Т. 1. Письма, 1875–1886. С. 68–72.

39. Языков Н. М. Стихотворения: в 2 ч. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1858.

40. Slobodnyuk S. L., Tsurkan V.V. Archetypes of «The Babylonian Text» in the Russian Literary Discourse [Архетипика «вавилонского текста» в русском литературном дискурсе: опыт междисциплинарного исследования] / Slobodnyuk S. L., Tsurkan V. V., Abramzon T. E., Kozko N. A. Interdisciplinary Research Practice. Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2020. Vol. 437. Pp. 515–521.

References

1. Andreev, D. L. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]: v 3 t. Moscow: Mosk. rabochij; Firma Alesya Publ., 1993. Т. 1. *Russkie bogi: Poe`ticheskiy ansambl`* [Russian Gods: Poetic Ensemble]. 463 p. (In Russian).

2. Andreev, D. L. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]: v 3 t. Moscow: Uraniya Publ., 1997. Т. 2. *Roza Mira* [Rose of the World]. 608 p. (In Russian).

3. Andrej Kesarijskij. *Tolkovanie na Apokalipsis Svyatogo Ioanna Bogoslova* [Interpretation on the Apocalypse of St. John the Divine]. URL: <http://rusbible.ru/slavic/otkr.14.html#r-otkr-14> (data obrashheniya 03.08.2020).

4. Axmatova, A. A. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]: v 6 t. Moscow: E`llis Lak Publ., 1998–2002. (In Russian).

5. Baevskij, V. S. *Nikolaj Gumilev – master stixa* [Nikolay Gumilyov – master of verse] *Nikolaj Gumilev. Issledovaniya. Materialy`. Bibliografiya* [Nikolay Gumilyov. Research. Materials. Bibliography]. St. Petersburg: Nauka, 1994. Pp. 86–99. (In Russian).

6. Blok, A. *Sobranie sochinenij*: V 8 t. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel`stvo xudozhestvennoj literatury` Publ., 1960–1963. (In Russian).

7. Bryusov, V. Ya. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]: v 7 t. Moscow: Xudozh. lit. Publ., 1973–1975. (In Russian).

8. Verxolomova, E. V. *Ritmicheskie formy` v liricheskix ciklax N. Gumileva i A. Axmatovoj* [Rhythmic forms in lyric cycles of N. Gumilyov and A. Akhmatova] *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University]. 2008. № 4–2. Pp. 154–159. (In Russian).

9. Voloshin, M. A. *Stixotvoreniya i poe`my`* [Poems]. St. Petersburg.: Pb. pisatel` Publ., 1995. 704 p. (B-ka poe`ta. Bol`shaya seriya). (In Russian).

10. Galich, A. A. *Sochineniya* [Collected Works]: v 2 t. Moscow: Lokid Publ., 1999. («Golosa. Vek XX»).(In Russian).

11. Glinka, F. N. *Sochineniya* [Collected Works]: v 3 t. Moscow: Tip. gaz. «Russkij» Publ., 1869–1872. (In Russian).

12. Dostoevskij, F. M. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]: v 15 t. Leningrad: Nauka Publ., 1988–1996. (In Russian).

13. Esenin, S. A. *Polnoe sobranie sochinenij* [Full composition of writings]: v 7 t. Moscow: Nauka; Golos Publ., 1995–2001. (In Russian).

14. Zhukovskij, V. A. (*Pervoe perelozhenie Apokalipsisa*) [(First transcription of the Apocalypse)] *Zhukovskij V. A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V. 20 t. T. 4. Stixotvornye povesti i skazki* [Zhukovsky V. A. Complete works and letters: V. 20 volumes. V. 4. Poetic

stories and fairy tales]. Moscow: Yazyki slavyanskix kul'tur Publ., 2011. Pp. 330–351. (In Russian).

15. Zinik, Z. *U sebya za granicej* [At home abroad]. Moscow: Tri kvadrata Publ., 2007. 288 p. (In Russian).

16. Kibirov, T. Yu. «Na rekax vavilonskix stonem...» ["We groan on the rivers of Babylon ..."] *Znanya*. 1999. № 4. P. 3. (In Russian).

17. Kryukov, F. D. *Novy'm stroem* [New order]. URL: http://fedor-krjukov.imwerden.de/Publicist_1917/Novim_stroem.htm (data obrashheniya 04.08.2020).

18. Mayakovskij, V. V. *Polnoe sobranie sochinenij* [Full composition of writings]: v 13 t. Moscow: Gos. izd-vo Xudozh. lit. Publ., 1955–1961. (In Russian).

19. Mej, L. A. *Izbranny'e proizvedeniya* [Selected works]. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1972. 678 p. (B-ka poe'ta. Bol'shaya seriya). (In Russian).

20. *Moskva i «moskovskij tekst» russkoj kul'tury* [Moscow and the "Moscow text" of Russian culture]. Moscow: RGGU, 1998. 224 p. (In Russian).

21. *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka* [National corpus of the Russian language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (data obrashheniya 03.08.2020).

22. *Nekommercheskaya e'lektronnaya biblioteka «ImWerden»* [Non-commercial electronic library "ImWerden"]. URL: <https://imwerden.de/> (data obrashheniya 03.08.2020).

23. Nikolaeva, O. *Otryvki* [Excerpts] *Novyj mir* [New world]. 1988. № 8. Pp. 3–4. (In Russian).

24. Novikov, M. P. *Iz perezhitogo* [From the experience] Novikov M. P. *Iz perezhitogo*. Moscow: E'nciklopediya sel i dereven' Publ., 2004. Pp. 17–331. (Semejnyj arxiv). (In Russian).

25. Orlov, N. *[Kommentarij k Apokalipsisu Svyatogo Apostola Ioanna Bogoslova]* [Commentary on the Apocalypse of the Holy Apostle John the Theologian] *Tolkovaya Bibliya* [Explanatory Bible]: V 11 t. Repr. izd. 1904–1913 gg. Stokgol'm, 1987. T. 11. Pp. 517–609. (In Russian).

26. *Russkaya virtual'naya biblioteka* [Russian virtual library]. URL: <https://rvb.ru/> (data obrashheniya 05.08.2020).

27. Saltykov-Shhedrin, M. E. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]: v 20 t. Moscow: Xudozhestvennaya literatura Publ., 1965–1977. (In Russian).

28. Sidorovich, L. N. «*Rifmotvornaya psaltir'*» *Simeona Poloczkiego i Vasiliya Titova kak itog tvorcheskogo vzaimodejstviya dvux talantlivyx masterov vostochnoslavyanskoj kul'tury XVII veka* ["Rhyming Psalter" by Simeon Polotsky and Vasily Titov as a result of the creative interaction of two talented masters of East Slavic culture of the 17th century] *Vestnik Poloczkiego gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarny'e nauki* [Bulletin of Polotsk State University. Series A. Humanities]. 2006. № 7. Pp. 117–124. (In Russian).

29. Simashko, M. D. *Iz knigi «Chetvertyj Rim»* [From the book "The Fourth Rome"] *Ierusalimskij zhurnal* [Jerusalem Journal]. 2000. № 6. Pp. 106–158. (In Russian).

30. Simeon Poloczkiy. *Psaltir' czarya Davida, xudozhestvom rifmotvornym ravnomerno sloga i soglasnokonechno, po razlichnym stixom rodom prelozhennaya* [Psalter of Tsar David, arranged in an artistic rhyming syllable] *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2009. № S4. Pp. 276–315. (In Russian).

31. Sumarokov, A. P. *[Pis'mo] G. V. Koziczkomu ot 4 marta 1770 g.* [[Letter] to G. V. Kozitsky dated March 4, 1770] *Pis'ma russkix pisatelej XVIII veka* [Letters from Russian writers of the 18th century]. Leningrad: Nauka Publ., 1980. P. 137. (In Russian).

32. Sumarokov, A. P. *Polnoe sobranie vsekh sochinenij: V stixax i proze* [Complete collection of all works: In poetry and prose.]. V 10 ch. 2-e izd. Moscow: Univ. tip., u N. Novikova, 1787. (In Russian).
33. Tvardovskij, A. T. *Rabochie tetradi 60-x godov* [Workbooks from the 60s] Znamya. 2002. № 5. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=1735> (data obrashheniya 04. 08. 2020). (In Russian).
34. Toporov, V. N. *Peterburgskij tekst russkoj literatury`* [Petersburg text of Russian literature]. St. Petersburg: Iskusstvo–SPB Publ., 2003. 616 p. (In Russian).
35. Trediakovskij, V. K. *Sochineniya i perevody` kak stixami, tak i prozoyu* [Writings and translations both in poetry and prose]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2009. 668 p. (In Russian).
36. *Universitetskaya biblioteka onlajn* [University Library Online]. URL: <https://biblioclub.ru/> (data obrashheniya 04.08.2020).
37. *Fundamental`naya e`lektronnaya biblioteka: «Russkaya literatura i fol`klor»* [Fundamental Electronic Library: "Russian Literature and Folklore"]. URL: <http://feb-web.ru/> (data obrashheniya 05.08.2020).
38. Chexov, A. P. *Pis`mo Chexovu Al. P., 13 maya 1883 g. Moskva* [Letter to Chekhov Al. P., May 13, 1883 Moscow] *Chexov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Pis`ma: v 12 t. T. 1. Pis`ma, 1875–1886* [Chekhov A. P. Complete Works and Letters: In 30 volumes. Letters: In 12 volumes. V. 1. Letters, 1875–1886]. Moscow: Nauka Publ., 1974 [1974–1983]. Pp. 68–72. (In Russian).
39. Yazy`kov, N. M. *Stixotvoreniya: V 2 ch.* [Poems: In two parts]. St. Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk, 1858. (In Russian).
40. Slobodnyuk, S. L., Tsurkan, V.V. Archetypes of «The Babylonian Text» in the Russian Literary Discourse [Arxetipika «vavilonskogo teksta» v russkom literaturnom diskurse: opy`t mezhdisciplinarnogo issledovaniya] / Slobodnyuk S. L., Tsurkan V. V., Abramzon T. E., Kozko N. A. Interdisciplinary Research Practice. Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 2020. Vol. 437. Pp. 515–521. (In English)